

Ли Сяоцин: «...»

«И вообще, слышала такую поговорку: мужские слова — что призрачные обещания, верить нельзя. Твой муж, во-первых, мужчина, во-вторых, азартный игрок. То, что ты веришь его словам, вот это уже настоящая чертовщина».

Ли Сяоцин: «.....»

«Но раньше у него никогда не было тяги к азартным играм...»

Цяо Юй: «Может, он просто отлично притворялся всё это время?»

Ли Сяоцин долго и мучительно размышляла, а потом выдала: «Это моя вина. Всё из-за того, что я не смогла родить ему ребёнка».

Цяо Юй: «»

Твою мать, как разговор снова свернул на эту тему?!

«Хахаха, умираю со смеху, впервые вижу у ведущего такое выражение лица».

«Похоже, победить ведущего способен только синдром влюблённых мозгов, и не поспоришь».

«Сестрица Ли, ты моя героиня~»

Цяо Юй: нет, я ей не сестрица!!!

Он покосился на насмешливые комментарии в эфире и раздражённо закатил глаза.

Ладно, хоть сестрица Ли, хоть сестрица Цинь, всё равно не родная сестра, пусть будет как будет.

Ли Сяоцин снова взяла тканевую сумку и пошла за продуктами. Цяо Юй сейчас вовсе не хотел общаться с этой жертвой синдрома влюблённых мозгов, и даже от бесплатных овощей отказался.

Дождавшись, пока Ли Сяоцин уйдёт, Цяо Юй вдруг развернулся и направился вглубь коридора, поднял взгляд на дверь комнаты 4008.

Был ли на месте «Одинокый полумесяц», непонятно — в комнате стояла тишина, похоже, его не было дома.

Заходить внутрь Цяо Юй не собирался, лишь протянул руку и ощупал дверную раму.

К его удивлению, кроме пыли на руке, ничего больше не оказалось.

Так что же дядя-домовладелец делал вчера у двери 4008? Цяо Юй был уверен: правило смертельной охоты Ли Сяоцин наверняка как-то связано с домовладельцем.

Смутно припомнилось, как в первую ночь, когда он ходил в магазинчик «одолжить» открывашку для консервов, вернувшись, он как раз наткнулся на домовладельца, выходявшего тогда из глубины коридора.

Так что же это могло быть?

Пока Цяо Юй размышлял, он бесцельно продолжал ощупывать пальцами верхнюю часть дверной рамы. Старая железная табличка с номером двери была холодной на ощупь, края покрыты пятнами бурой ржавчины, шершавой, будто наждачная бумага.

В этот момент из соседней комнаты 4009 постепенно начали выходить остальные ведущие. Костюм «Изъяна», прежде столь солидный, теперь слегка помялся, но причёска по-прежнему оставалась безупречной, придавая ему вид настоящего элитного офисного работника.

Выйдя за дверь, он тут же заметил Цяо Юя, будто извращенца, ощупывающего стену с выражением сладкой ностальгии на лице: «Нравится нюхать штукатурку? У тебя, наверное, кальция не хватает».

Цяо Юй: «Лишь бы мозгов хватало, а остальное не проблема».

«Изъян»: «...»

Он был не прав. Не стоило вообще заговаривать с этим человеком.

«Изъян», окончательно оставив желание продолжать разговор, шагнул прочь.

Цяо Юй, увидев это, поспешно бросился следом: «Не против компании за завтраком?»

Ещё как против! Но сказать это вслух он постеснялся.

Оба молча направились вниз по лестнице, и, проходя мимо своей комнаты, Цяо Юй машинально бросил взгляд на дверь: табличка с номером 4005 была чёткой, будто новенькая, только что купленная.

Разрозненные улики в голове Цяо Юя вдруг будто сложились воедино, точно нанизанные на одну нить, и в один миг всё прояснилось.

«Я понял!»

Услышав это, «Изъян» тоже остановился и удивлённо обернулся: «Что ты понял?»

«Номера дверей!» — Цяо Юй указал рукой на новенькую табличку 4005 и взволнованно продолжил: «Домовладелец поменял таблички на дверях 4008 и 4009! Правило убийства Ли Сяоцинь связано с номерами дверей из подвала!»

«Номера дверей из подвала?» — «Изъян» вспомнил, что вчера на полу подвала действительно валялись какие-то железные пластинки, о которые чуть не споткнулся Улун.

«Именно, эти железные пластинки в подвале и есть номера дверей».

«Но мы не знаем, в каком порядке домовладелец их расставил. По логике, следующим должен быть «Первая кровь» из 4007, но неужели всё настолько просто?»

«А как же вопрос с закланием бессмертия? Может, Ли Сяоцинь от отчаяния уверовала в какой-то культ?»

«Но за эти два дня Ли Сяоцинь ни разу не проявила ни малейших признаков религиозности».

«Тогда как всё это связано с дядей-домовладельцем?»

Цяо Юй почувствовал, что его мозг вот-вот перегреется, схватился за голову и мученически застонал, а затем вдруг сказал: «Всё, хватит думать, пойдём поедим что-нибудь».

С этими словами он рванул вниз по лестнице первым, а «Изьян», ошарашенный этим потоком рассуждений и риторических вопросов, остался стоять, полностью погружённый в мысли о Ли Сяоцинь, домовладельце и... заклитии бессмертия.

Так какая же между ними всеми связь? Как вообще устроена эта сюжетная линия?

Уже третий день пошёл, а они до сих пор не разобрались даже в отношениях персонажей...

Никогда ещё сюжетная линия сценария не была настолько трудноуловимой. Неужели это правда всего лишь начальный сценарий?

Как только коридор опустел, дверь комнаты 4004 вдруг приоткрылась на щель: «Номера дверей из подвала?»

«Одинокий полумесяц» тихо пробормотал это, а затем осторожно выскользнул из комнаты. В руках у него был лист с диагнозом, а мысли, следуя за разговором «Изьяна» и Цяо Юя, тут же обратились к подвалу.

Хотя он и использовал карту повтора, внутри у «Одинокого полумесяца» всё равно кипела крайняя тревога и страх. Сейчас больше всего на свете ему хотелось узнать сюжетную линию этого сценария: только продолжая собирать улики без остановки и восстановив сюжетную линию с точностью не менее 70 процентов, он мог рассчитывать на шанс выжить.

При этой мысли «Одинокий полумесяц» тут же направился в сторону подвала.

Порыв холодного ветра пронёсся из конца коридора, и тонкий лист бумаги бесшумно выскользнул из руки мужчины.

Это был лист с диагнозом без больничной печати, где в графе имени значилось именно «Ли Сяоцинь», а в графе диагноза: аномальное развитие яйцеклеток.

**

Цяо Юй купил в магазинчике домовладельца две пачки печенья на завтрак, даже без кипятка обошёлся. Про жареное тесто с соевым молоком и прочие полноценные завтраки и мечтать не приходилось: вчера вечером он уже уточнял — ни у кого из оставшихся ведущих не было пространственных артефактов для хранения еды.

Они и сами прошли всего пару сценариев, откуда им знать высокоуровневых ведущих?

У Улуна, правда, были кое-какие связи, но, говорят, он спустил все свои сбережения на нефритовую подвеску-Гуаньинь и совершенно не интересовался артефактами для хранения еды.

Тц, вот уж действительно, зря такой солидный вес наел.

Дядя-домовладелец по-прежнему сидел в шезлонге, вальяжно, с видом полнейшего умиротворения.

У «Изьяна» аппетита не было совсем, он машинально взял цельнозерновой хлеб и подошёл к прилавку рассчитаться. Достав телефон, он обнаружил, что тот разряжен, и, вытащив кошелёк,

протянул купюру в пятьдесят юаней.

Дяде-домовладельцу пришлось встать и открыть ящик за сдачей, и, как только выщербленный ящик выдвинулся, взгляд «Изяна» изменился.

Причина была проста: в ящике лежала стопка ксерокопий паспортов, а самая верхняя принадлежала Ли Сяоцинью.

В графе даты рождения значилось: 4 апреля 1989 года.

А ниже приписано от руки время: 4 часа 4 минуты утра.

Пока домовладелец отсчитывал сдачу, взгляд «Изяна» намертво прикипел к этой череде цифр, сердце заколотилось, как барабан.

1989 год... нечётный год-инь, апрель... чётный месяц-инь, 4 число... чётный день-инь, 4 часа 4 минуты утра... снова чётное к чётному.

Медиум для заклęcia бессмертия найден — женщина инь-часа, Ли Сяоцинью!

<http://bllate.org/book/20789/2103352>